

ИНТЕРВЕНЦИЯ В БЕССАРАБИЮ В 1918 г.—ЗВЕНО В ЗАГОВОРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

В. Н. Виноградов

К 1 (14) января 1918 г. в Бессарабии одержала победу Советская власть. Но уже 7 (20) января под Кишиневом шли бои с румынскими королевскими войсками. С вторжения в Бессарабию началась вооруженная интервенция против только что родившейся Страны Советов. На землю многострадальной Бессарабии опустилась ночь оккупации. «Силам международного империализма,— говорил тов. Л. И. Брежнев,— ополчившимся против молодого государства рабочих и крестьян, удалось руками господствующих классов королевской Румынии на двадцать два года оторвать от Советской Родины край между Прутом и Днестром»¹. Все эти 22 года не прекращалась борьба многонационального населения Бессарабии за воссоединение с социалистической Отчизной.

Трагическим событиям захвата Бессарабии в 1918 г. уделено значительное место в литературе. Страницы первых работ, появившихся в 20-е годы, можно сказать, пропитаны пороховым дымом сражений. Их авторы — участники борьбы, активисты коммунистического подполья — опирались прежде всего на личный опыт, свои наблюдения и впечатления². В этом особая ценность этих изданий. Но их документальная база оставалась узкой. Это были в большинстве своем публицистические работы, передававшие боевой дух эпохи, негибкую преданность пролетарскому интернационализму, непреклонную верность Советской Родине. Но, как справедливо отмечали молдавские советские историки, ограниченный круг источников не позволял тогда с достаточной полнотой представить ход событий, порой допускались и неточности³. Советские исследователи были отрезаны от местной документальной базы. Авторы буржуазно-помещичьей Румынии не проясняли, а затемняли картину густой завесой лжи и, разумеется, скрывали материалы об обстановке в захваченной Бессарабии, обстоятельствах героического сопротивления ее населения интервентам, подрывной деятельности их агентуры, коварных маневрах вокруг мнимой самостоятельности бутафор-

¹ Л. И. Брежнев. Пятьдесят лет Советской Молдавии. «Правда», 12.X.1974.

² См., например: Л. Н. Александров. Бессарабия и бессарабский вопрос. М. 1924; В. Дембо. Советская Молдавия и бессарабский вопрос. М. 1925; «В боярской Румынии». М. 1924; Л. Дегтярев. Октябрь Румынского фронта. «Красная летопись», 1925, № 6; Б. В. Под пятой румынских оккупантов (3½ года нелегального существования коммунистической партии в Бессарабии). 1922; С. С. Бантке. 10 лет борьбы против румынских бояр. М.-Л. 1928; Ф. Левенсон. Из истории захвата Бессарабии. «Красная Бессарабия», 1928, № 1 (этот журнал, выходящий в 1924—1938 гг., регулярно публиковал материалы о захвате Бессарабии).

³ «Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной 1918—1940». Кишинев. 1970, стр. 11. В этом коллективном труде имеется подробная библиография работ по проблеме.

ской «Молдавской народной республики», приконченной ее создателями, как только отпала в ней надобность, лживых заверениях насчет временного и «неполитического» характера оккупации междуречья Днестра и Прута. Отголоском писаний буржуазных авторов является клеветническая книжонка, состряпанная бежавшими из народной Румынии реакционерами⁴.

Понадобились многолетние и кропотливые исследования, осуществленные уже главным образом после Великой Отечественной войны, чтобы представить подлинную историю интервенции в Бессарабии и борьбы с нею. Хотя документальная база издаваемых по этому вопросу трудов и растет, проделанную работу и сейчас нельзя считать завершённой, ибо тайны заговора против Советской России, один из центров которого располагался на рубеже 1917—1918 гг. в Яссах, далеко не полностью раскрыты. Изыскания в архивах привели к выпуску таких ценных документальных публикаций, как сборники «Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 — март 1918 гг.)» (Кишинев. 1970); «Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917—1920 гг.» (Кишинев. 1967); «За власть Советскую» (Кишинев. 1970); «Листовки коммунистического подполья Бессарабии (1918—1940)» (Кишинев. 1957). Эти издания вместе с фундаментальной публикацией «Документы внешней политики СССР» составляют солидную основу уже появившихся и подготавливаемых исследований⁵. Большая работа ученых подытожена в таких обобщающих изданиях, как «Очерки истории Коммунистической партии Молдавии» (2-е изд. Кишинев. 1968) и «История Молдавской ССР» (2-е изд. Кишинев. 1968). Традиции боевой публицистики 20-х годов не утрачены и ныне; в то же время выходящие в наши дни популярные книги и брошюры опираются на несравненно более широкую архивную и документальную основу⁶.

Интервенция в Бессарабию рассматривается всеми советскими исследователями не изолированно, а как звено в широком и разветвленном заговоре мирового империализма против Советской державы. Авторы коллективного труда «Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной» посвящают специальный параграф превращению этого края в плацдарм войск Антанты. К. О. Слуцкая разоблачает сговор «Сфатул Цэрий», контрреволюционного командования Румынского фронта и иностранных империалистов против социалистической революции в Молдавии⁷. «Вдохновителем и организатором иностранной военной интервенции в Бессарабию, как и других заговоров против Страны Советов, выступал международный империализм», — указывается в книге «Предательская роль «Сфатул Цэрий»⁸. «Именно здесь Антанта нанесла первый удар по Советской России, имен-

⁴ «Aspects des relations russo-roumaines». Р. 1967.

⁵ См., например: С. А. Афтенюк и др. Революционное движение в 1917 г. и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев. 1961; Н. В. Березняков. Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917—1920 гг. Кишинев. 1957; «Борьба за победу социалистической революции в Молдавии». Кишинев. 1962; «Из истории революционного движения и социалистического строительства в Молдавии». Кишинев. 1960; А. М. Лазарев. Воссоединение молдавского народа в единое Советское государство. Кишинев. 1965; его же. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев. 1974; К. О. Слуцкая. Победа Октябрьской революции и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев. 1962; «Страницы революционной борьбы и социалистического строительства в Молдавии». Кишинев. 1966, и др.

⁶ См.: Д. И. Антониук, С. А. Афтенюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис. Предательская роль «Сфатул Цэрий». Кишинев. 1969; И. Бобейко, Я. Копанский. Двадцать два года героической борьбы. Кишинев. 1966; С. К. Брысякин, М. К. Сытник. Торжество исторической справедливости. Кишинев. 1969; Я. М. Копанский. Интернациональные традиции борьбы за воссоединение Бессарабии с Советской Родиной. Кишинев. 1973.

⁷ К. О. Слуцкая. Указ. соч., стр. 218.

⁸ Д. И. Антониук и др. Указ. соч., стр. 140.

но Бессарабия оказалась первой жертвой антантовской интервенции, осуществленной штыками румынской армии», — пишут С. К. Брысякин и М. К. Сытник⁹.

28 ноября (11 декабря) 1917 г. в Париже на секретном заседании Верховного совета Антанты было принято первое официальное решение об организации вторжения в Россию. 10 (23) декабря глава французского правительства Ж. Клемансо и британский военный министр лорд А. Милнер поделили ее на «сферы влияния», причем на долю Англии выпали казачьи области, Кавказ, Армения, Грузия, а к Франции «отошли» Бессарабия, Украина, Крым. 9 (22) декабря по соглашению с дипломатами Антанты в Яссах и по прямому настоянию начальника штаба французской военной миссии полковника В. Пэтена¹⁰, румынское правительство и белогвардейский генерал Д. Г. Щербачев организовали нападение румынских войск и украинских гайдамацких частей на русские войска, располагавшиеся в Румынии. Так, по совместному решению представителей Антанты, был совершен первый шаг к оккупации Бессарабии.

Подчеркивая международный характер заговора, направленного на отторжение этого края от Советской Родины, наши историки выступают против каких-либо попыток умалить роль в этом акте румынских правителей. «Было бы ошибочным утверждать, будто румынская олигархия была только орудием «союзников»¹¹. Королевская Румыния отнюдь не в силу простого стечения обстоятельств оказалась тогда в авангарде антисоветской интервенции. Румынская военщина, королевский двор и ведущие буржуазно-помещичьи круги были вполне подготовлены к предложенной им роли душителей российской революции на землях Бессарабии и приступили к ней рьяно и охотно.

Захватнические планы в отношении Бессарабии давно уже вынашивались в Бухаресте. Едва встав на ноги и окрепнув, румынский капитал начал вести себя как изворотливый, упорный и настойчивый хищник. Стремление к территориальной экспансии привело его еще в 80-х годах прошлого столетия к военному союзу с Германией и Австро-Венгрией. Румынская буржуазия всегда делала ставку на сильного. А таковым в ту пору ей представлялся кайзеровский рейх, находившийся в зените своего могущества. Франция еще не оправилась от разгрома 1870 г. и не дерзала бросать вызов победителю. Ее военное сотрудничество с Россией даже не намечалось. Союз центральных держав, казалось, надолго стал преобладающей группировкой в Европе. В 1883 г. румынский премьер-министр И. Брэтиану-старший отправился в Берлин и Вену. У Бисмарка он встретил сдержанный прием. «Железный канцлер» осадил посланца из Бухареста, когда тот начал строить «воздушные замки» насчет территориальных притязаний к России. Из текста австро-румынского союзного договора, к которому Германия присоединилась отдельным протоколом, было изъято упоминание о России, «иначе, — объяснял Бисмарк одному из своих сотрудников, — всегда будет сильное искушение, если к тому представится юридическая возможность, ради румынских реваншистско-захватнических воцелений, простирающихся до Днестра и дальше, воспользоваться участием германо-австро-венгерских войск численностью почти в два миллиона»¹². Брэтиану пришлось довольствоваться надеждой, что в грядущей европейской войне и Румынии перепадет своя доля добычи.

⁹ С. К. Брысякин, М. К. Сытник. Указ. соч., стр. 12.

¹⁰ А. Рябинин-Скляревский. Оккупация Бессарабии Румынией. «Летопись революции», 1925, № 1, стр. 108.

¹¹ «Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение...», стр. 45.

¹² А. С. Ерусалимский. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М. 1968, стр. 203.

Поползновения румынской олигархии на Бессарабию в полной мере проявились в 1905—1907 годах. Революцию в России она хотела использовать в своих интересах. В Бухаресте решили поставить на службу аннексионистским замыслам завоеванную в России относительную свободу печати, заслав в Кишинев своих эмиссаров во главе с К. Стере. Как только в России вспыхнула революция, свидетельствовал сам Стере, он отправился за Прут. В Кишиневе он встречался с И. Инкульцом. Вместе с ним, с П. Халипой и И. Пеливаном он основал типографию и газету¹³. Однако успеха это предприятие не имело: рабочий класс и крестьянство многонациональной Бессарабии боролись в ходе революции за свое социальное освобождение и не помышляли об отделении от России. Но и в среде буржуазии, прочно связанной с общероссийским рынком, румынские эмиссары тогда не встретили отклика; прорумынскими чувствами эти круги, и в особенности бессарабские помещики, воспылали позднее, когда Великая Октябрьская социалистическая революция посягнула на их земли и капиталы. Стере пришлось убраться ни с чем, к тому же его услуги понадобились реакции в Румынии. Под влиянием русской революции там в 1907 г. вспыхнуло мощное крестьянское восстание, охватившее всю страну. Стере, занимавший в то время пост префекта Яско-го уезда, способствовал кровавой расправе над повстанцами.

Румынские экспансионисты сделали определенные выводы из опыта 1905—1907 годов. Впоследствии в румынских материалах мелькали откровенные или чуть прикрытые признания провала попыток отыскать в Бессарабии социальную опору для «объединения» с Румынией. И. Чугуряну писал в июне 1918 г. в газете «Lumina»: «Молдавско-бессарабское крестьянство было духовно не подготовлено к объединению». Газета «România nouă» сожалела, что в период Февральской революции 1917 г. в Бессарабии не оказалось ни одной политической организации прорумынского толка¹⁴. Эти высказывания отражали действительность.

Потерпев неудачу в стремлении найти опору в Бессарабии, румынские эмиссары стали насаждать свою агентуру. Этому способствовало и приглашение молдавской буржуазной молодежи «для прохождения наук» в румынские университеты. Здесь к их «просвещению» оказался причастен махровый черносотенец, впоследствии патриарх румынского фашизма А. К. Куза. По его словам, он учил бессарабских юнцов «не делать революцию, а использовать ее в наших интересах»¹⁵. В 1917 г. этими советами воспользовались предатели интересов бессарабского населения. В целом в Бухаресте не строили иллюзий насчет значения и возможностей кучки своих бессарабских приспешников и отдавали себе отчет в том, что планы в отношении Бессарабии можно осуществить лишь путем ее захвата.

Между тем расстановка сил как на европейской арене, так и внутри союза центральных держав изменилась. В противовес германо-австрийскому империалистическому альянсу образовалась группировка государств Антанты. В недрах Тройственного союза усилились разногласия между Румынией и Австро-Венгрией. На территории последней в Трансильвании и других областях проживало около трех миллионов румын. Их движение за объединение с Румынией обостряло отношения между союзниками; участие в надвигавшемся европейском конфликте на стороне Габсбургской монархии могло похоронить всякие надежды на объединение. И на этот раз румынская олигархия не изменила стремлению ориентироваться на сильного. Однако вопрос о том, на чьей сто-

¹³ «Desbaterile adunării deputaților. Sesiunea ordinară 1917—1918». Iași. 1918, p. 132.

¹⁴ Материалы приводились на заседании румынского парламента 12 июня 1918 г. («Desbaterile adunării deputaților. Sesiunea ordinară 1917—1918», pp. 109—110).

¹⁵ Ibid.

роне сила, вызывал разногласия в ее среде. Отсюда политика «игры на двух столах», маневрирование румынских правящих кругов между двумя империалистическими блоками.

Когда началась первая мировая война, прежний постулат румынской внешней политики — с Австро-Венгрией и Германией против России — был уже отброшен. Коронный совет 21 июля (3 августа) 1914 г. отказался выполнить союзнические обязательства. Начался период выжидания и торга. Прогерманское крыло, на знамени которого было начертано требование захвата Бессарабии, не сдавало позиций. Оно призывало безоговорочно довериться германскому мечу, который, мол, все сокрушит на своем пути; оно мечтало о том, что Россия развалится на куски и румынская граница продвинется тогда до Буга: «Кусок территории между Днестром и Бугом хорошо подойдет к Бессарабии между Прутом и Днестром»¹⁶. Со страниц германофильской печати раздавались призывы: «Дорога на Прут открыта» и даже «За Прут, на Одессу»¹⁷.

Однако в политических сферах Румынии звучали и более трезвые голоса. Хотя культ германской военщины, насаждавшийся полвека «пруссакон на престоле» королем Каролом I, и принес свои плоды и многие уверовали в непобедимость немецкого оружия, они сомневались в прочности победы и в возможности удержать захваченное. Маститому историку А. Д. Ксенополу даже успех на стороне центральных держав внушал тревогу: он считал, что отторжение какой-либо русской территории поставит Румынию «перед лицом вечной угрозы со стороны России, со стороны государства, базирующегося на компактную массу в 90 миллионов русских, которых не уничтожишь никакими победами»¹⁸. Премьер-министр И. Брэтиану-младший полагал, что присоединение Бессарабии имеет ценность лишь в том случае, если австро-германской коалиции удастся прочно захватить другие российские области. Но ни он, ни наиболее влиятельные круги румынской буржуазии не верили в подобную возможность. Проекты расчленения России представлялись многим несбыточной и «странной фантазией»¹⁹.

В августе 1916 г. Румыния вступила в войну на стороне Антанты. Это вовсе не значило, что от планов захвата Бессарабии отказались. Ведь в приведенных выше выступлениях — а число их можно было бы без труда умножить — отторжение Бессарабии не осуждалось, а приветствовалось, но признавалось неосуществимым в данный момент и в сложившейся обстановке. Поэтому замыслы территориальной экспансии за счет соседа, ставшего теперь союзником, просто на время откладывались.

Война не принесла лавров румынским правителям. Это было время тяжелых испытаний для румынского народа. Румынская армия потерпела поражение на поле боя; две трети страны было занято немецкими, австрийскими, турецкими и болгарскими войсками; лишь северо-восточные районы удерживались, и то в основном силами русской армии, ибо на фронте в первые месяцы 1917 г. на одного румына приходилось здесь 10 русских²⁰. Только к лету 1917 г. румынская армия была воссоздана. Но когда грянула Октябрьская революция, во временной румынской столице Яссах стали строить планы удара в спину союзнику, только что спасшему страну от полного опустошения. Здесь, в 30 верстах от русской границы, обосновалось активное гнездо антисоветской интервенции. Во-

¹⁶ «Moldova», 31.V.1915.

¹⁷ «Moldova», 20.IX, 4.VI.1915.

¹⁸ А. Д. Хенорол. *Cu nici un preț cu Austria*. «Adevărul», 4(17).VIII.1914.

¹⁹ С. Diamondy. *România și conflictul european*. București. 1914, pp. 17—18.

²⁰ Из общей численности войск Румынского фронта на 24 января (6 февраля) 1917 г. в 423 тыс. штыков и 44 400 сабель румынская армия насчитывала 44 700 штыков и 2 100 сабель («Стратегический очерк войны 1914—1918 гг.». «Румынский фронт». М. 1922, стр. 115—117).

прос об отторжении Бессарабии вновь был поставлен в повестку дня. Задача эта была нелегкой. С. К. Брысякин и М. К. Сытник справедливо называют в этой связи три необходимых предпосылки нападения на соседа: перемирие с австро-германским командованием; реакционный переворот на фронте, свержение и удушение существовавших там органов Советской власти; подавление революции в Бессарабии²¹.

Присоединиться к общему перемирию на русско-германском фронте, только что заключенному в Брест-Литовске, представители реакционно-го русского генералитета Румынского фронта и румынского командования отказались²² и заключили 26 ноября (9 декабря) 1917 г. сепаратное перемирие. Союзные миссии в Яссах санкционировали этот акт. Подоплеку их действий американский посланник Ч. Вопичка объяснял столь же откровенно, сколь и цинично: Румыния находится между двумя врагами. «Склониться перед одним (то есть кайзеровской Германией.— В. В.) означает по крайней мере установление спокойствия и порядка; в то время как признание другого (то есть Советской России.— В. В.) и его теорий поведет к предательству (интересов Антанты.— В. В.) и анархии»²³.

Куда сложнее было избавиться от находившейся в Румынии миллионной русской армии. Румынский фронт находился в состоянии глубокого революционного брожения. Солдаты изверились в звонких фразах эсеро-меньшевистских оборонцев и не желали воевать. Авторитет, влияние, популярность большевиков росли. Весть об Октябрьской революции была встречена солдатской массой с радостью.

В штабах и дипломатических канцеляриях Антанты спешно вырабатывался план объединения внутренней белогвардейщины всех мастей и национальных оттенков с внешними карательными силами. На юге России намечалось создание нескольких опорных пунктов контрреволюции. Ее кадры в Молдавии составляли, по замыслу Антанты, одно из звеньев той цепи, которая должна была задушить Советскую власть. Понимая, что российская реакция будет разгромлена без поддержки извне, планировалось двинуть ей на помощь в числе других интервентов и румынские войска²⁴. В неоккупированной австро-немецкими войсками зоне Румынии в конце 1917 — начале 1918 г., у самой русской границы, предпринимались конкретные шаги по осуществлению вторжения в Советскую страну. «Посольства и военные миссии держав Антанты в Яссах стали главным центром, откуда направлялась вся антисоветская деятельность дипломатических представителей Антанты в России»²⁵, — пишет П. А. Голуб. В Яссах Антанта могла рассчитывать не просто на сочувствие, но на деятельное сотрудничество румынских правителей, располагавших полумиллионной армией, на которую международным империализмом возлагались немалые надежды. У румынских экспансионистов голова кружилась от открывавшихся возможностей. То, что еще недавно казалось утопией, «странной фантазией», у них на глазах планировалось представителями Антанты.

Глава французской военной миссии генерал К. Бертело, начальник румынского генерального штаба К. Презан и Д. Г. Щербачев разработали план сосредоточения белополяков и чехословацкого корпуса в районе Румынского фронта. «На выполнение этого плана,— писал Щербачев,— мне удалось получить принципиальное согласие румынского короля и правительства»²⁶.

²¹ С. К. Брысякин, М. К. Сытник. Указ. соч., стр. 15.

²² О перемирии на румынском фронте см. «Известия 2-го армейского съезда 6-й армии», 28—29. XI (11—12. XII). 1917.

²³ Цит. по: V. Liveanu. 1918. București. 1960, p. 157.

²⁴ П. А. Голуб. Контрреволюционный заговор на юге России в конце 1917— начале 1918 г. «Вопросы истории», 1968, № 9, стр. 38.

²⁵ Там же, стр. 36.

²⁶ См. там же, стр. 37.

Осуществить этот замысел помешали революционные события в России и на самом Румынском фронте. 2 (15) декабря на совещании большевиков войск района Яссы — Сокола (IV и IX армий и ряда других организаций) был образован ревком, провозгласивший себя высшей властью на фронте²⁷. Хитростью заманив его представителей к себе в штаб, якобы на переговоры, Щербачев спровоцировал инцидент и призвал на помощь румынскую охрану. Комиссар С. Г. Рошаль и несколько членов ревкома были арестованы²⁸. Через несколько дней труп Рошалья обнаружили в окрестностях Ясс. Щербачев обратился к румынам с предложением разгромить «большевистское гнездо» в Яссах — Соколе. Объясняя действия этого белогвардейского генерала, его сын и адъютант впоследствии писал: «Какая русская часть пойдет против большевиков?», «Был один исход — румыны»²⁹. Дипломатические и военные представители Антанты дружно поддержали Щербачева³⁰.

В ночь с 8 на 9 (с 21 на 22) декабря 1917 г. румынское правительство приняло решение «откликнуться» на эту просьбу, отвечавшую его давним стремлениям. А уже на рассвете румынские войска и украинские гайдамацкие части окружили и после короткой схватки разоружили русскую железнодорожную бригаду в пригороде Ясс — Соколе. Последовала серия нападений румынских войска на покидавшие фронт русские части, никак не ожидавшие подобной «акции» со стороны вчерашних союзников. Характеризуя положение, верховный главнокомандующий войсками Советской России Н. В. Крыленко отмечал в обращении от 25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.), что палачи румынского правительства расстреляли «на Румынском фронте тех самых солдат, которые проливали кровь в их защиту»³¹. Позднее румынский буржуазный историк Кирицеску без каких-либо стеснений смаковал подробности «битв» под Галацем, Пашканами, Спэтэрештами, Михайленами³² — расправ над не ожидавшими удара в спину, спешившими домой русскими солдатами, которых загоняли в концентрационные лагеря, лишали выборного командования, разоружали и расстреливали. Такова предыстория интервенции в Бессарабию.

14 (27) декабря румынские войска под предлогом охраны своих складов захватили бессарабское местечко Леово и окрестные села и расстреляли руководителей местных советских властей. В ответ на этот акт НКВД РСФСР обратился 16 (29) декабря к румынскому посланнику Дж. Диаманди с энергичным протестом, потребовал «покарать преступные элементы из румынского офицерства и румынской бюрократии». НКВД заявил: «На территории Российской революции мы не потерпим более никаких репрессий не только против русских, но и против румынских революционеров и социалистов»³³. Но это предупреждение не по-

²⁷ «Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов». Кишинев. 1967, стр. 284.

²⁸ См. там же, стр. 389—391; «Борьба за власть Советов в Молдавии...», стр. 217.

²⁹ А. Рябинин-Скляревский. Указ. соч., стр. 101.

³⁰ Премьер-министр И. Брэтиану не упускал случая напомнить об «услуге», которую он оказал «общему делу». Так, посланники США, Англии и Франции сообщили в идентичных телеграммах от 5 февраля (н. ст.) 1918 г. своим правительствам: Брэтиану сказал, «что он по соглашению с нами предпринял полицейскую акцию против большевистских элементов Румынского фронта» («Papers Relating to the Foreign Relations of the United States». Suppl. 1. «The World War». Vol. I. Washington. 1933, p. 754). На Парижской мирной конференции И. Брэтиану признавал: «По предложению представителей Антанты... румынская армия открыла враждебные действия против большевистских войска». Цит. по: Б. Е. Штейн. Русский вопрос на Парижской мирной конференции. М. 1949, стр. 308. Американский посланник Ч. Вопичка предложил создать отборные румынские отряды для нападения на русскую армию (Ch. Voricka. Secrets of the Balkans. Chicago. 1921, p. 165).

³¹ «Известия», 28.XII.1917 (10.1.1918).

³² С. Kiritescu. Istoria răsboiului pentru înteregirea României. Vol. III. București, pp. 36—37.

³³ «Документы внешней политики СССР» (далее — ДВП СССР). Т. I. М. 1957, стр. 66.

действовало. 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) последовал новый демарш Советского правительства, на этот раз за подписями В. И. Ленина, Н. В. Крыленко и наркома по военным делам Н. И. Подвойского. Ссылаясь на поступившие сообщения о нападениях румын на русские войска, Совнарком требовал освободить арестованных, прекратить беззакония, наказать виновников, дать гарантии, что подобные действия не повторятся³⁴.

Ультиматум был передан по радио и 3 (16) января 1918 г. опубликован в «Правде» и других газетах. Кроме того, Совнарком принял экстраординарные меры: под стражу были взяты члены дипломатической и военной миссии Румынии во главе с Диаманди³⁵. На следующий же день дипломатический корпус в Петрограде, доколе «не признававший» Советского правительства, в полном составе во главе с дуайеном, американским послом Д. Фрэнсисом, явился к В. И. Ленину. Вождь революции разъяснил иностранным дипломатам, что арест произведен в силу обстоятельств, «никакими дипломатическими трактатами и никакими дипломатическими обрядностями не предусмотренных». Репрессии предприняты против представителя страны, которая, «не находясь с Россией в войне», предприняла чудовищные действия, войска которой напали на части русской армии³⁶. Проявляя не только твердость, но и добрую волю и гибкость, Советское правительство, получив обещание Фрэнсиса опротестовать действия румынского командования³⁷, освободило румынского посланника³⁸ и потребовало, чтобы в течение трех дней русские солдаты были освобождены. Но и эта мера не дала результатов. «Возмущение» Фрэнсиса действиями румынской военщины оказалось лживым. Через несколько дней пришла весть об открытом вторжении румынских войск в Бессарабию. Тогда Совнарком 13 (26) января принял постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией, ибо «покрытая преступлениями румынская олигархия открыла военные действия против Российской республики». Диаманди вместе со всем персоналом миссии был выдворен из страны³⁹, а Щербачев как враг народа был поставлен вне закона⁴⁰.

Победа Советской власти в Бессарабии ускорила решение Антанты нанести ей открытый удар силами королевской Румынии. Со стороны последней расчеты строились не только на интервенцию, но и на деятельность «пятой колонны» в самой Бессарабии. «Старые кадры», завербованные еще до первой мировой войны, давно уже вышедшие из студенческого возраста и превратившиеся в адвокатов, инженеров, врачей, зашевелились вскоре после Февральской революции. Летом 1917 г. И. Инкулец и П. Ерхан во главе группы в 42 агитатора, получив инструкции у румынского посланника Диаманди⁴¹, прибыли в Кишинев. Вскоре в числе множества организаций, плодившихся тогда под разными демократическими вывесками, появилась и партия молдавских эсеров. Еще раньше, весной, здесь В. Богос и И. Пеливан, который в свое время учился у К. Стере в Яском университете, основали «Молдавскую национальную

³⁴ Там же, стр. 79.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 82—84.

³⁷ Там же, стр. 713.

³⁸ «Правда», 3(16).I.1918.

³⁹ Архив внешней политики СССР (АВП СССР), ф. 125, оп. 1, д. 11, п. 2, л. 11.

⁴⁰ ДВП СССР. Т. I. 1957, стр. 89.

⁴¹ Г. Устинов, К. Бесядовский. Современная Румыния. М. 1923, стр. 42. На вокзале в Петрограде группу провожали сотрудники румынской миссии (АВП СССР, ф. 125, оп. 1, д. 7, п. 1, л. 2).

партию», сыгравшую в подготовке оккупации самую черную роль. Не обладая ни политическим весом, ни авторитетом, ни массой сторонников, эта партия так никогда и не вышла из состояния политического ничтожества. На выборах в Учредительное собрание (ноябрь 1917 г.) она собрала всего 2,3% голосов, а в Кишиневе сумела обеспечить себе поддержку лишь 381 избирателя⁴².

Не надеясь на прямой успех, «Молдавская национальная партия» прибегала к обходным путям. Так возникла идея созыва «Военно-молдавского съезда», собравшегося 20 октября (2 ноября) 1917 г. в Кишиневе по инициативе ряда буржуазных и мелкобуржуазных партий и организаций. Это был странный съезд. Никто из его участников не мог сказать, представляет ли он дивизию, полк или хотя бы роту. Никто из них нигде не избирался и никем не уполномочивался. Состав участников «съезда» был подобран националистами, рассылавшими приглашения отдельным группам офицеров и солдат-молдаван и просто штатским. «Съезд» выполнил предназначенную ему роль: высказался против Советской власти и за создание «Сфатул Цэрий» («Совета страны»). В течение месяца продолжался подбор состава этого органа. И если «Военно-молдавский съезд» не представлял населявших Бессарабию народов, то «Сфатул Цэрий» не представлял даже «Военно-молдавского съезда» (ибо непосредственно на «съезде» была выдвинута лишь одна пятая часть его членов). Остальных «добирала» по своему усмотрению пятерка ярых националистов во главе с И. Инкульцом и П. Ерханом. Они торопились: весть об Октябрьской революции быстро разнеслась по Молдавии, из уездов и городов Бессарабии, частей Румынского фронта поступали вести о признании власти Совнаркома. И. Инкулец отмечал позднее: «Если бы не было выступления большевиков, то с открытием «Сфатул Цэрий» не спешили бы». О том же писал Г. Пынтя: «Большевизм, охвативший Россию, был заразителен: его лозунги основательно прививались всюду, и, чтобы предупредить победу большевизма в Бессарабии, был создан «Сфатул Цэрий»⁴³.

«Сфатул Цэрий» собрал под своим знаменем разношерстную и разноплеменную контрреволюцию Молдавии, объединенную общей ненавистью к большевикам. Черносотенец соседствовал здесь с эсером, украинский националист — с бундовцем, но, как справедливо отмечают авторы книги «Предательская роль «Сфатул Цэрий», первую скрипку играла буржуазная «Молдавская национальная партия». «Сфатул Цэрий» поспешил осудить вооруженное восстание в Петрограде, объявил первые декреты Советской власти недействительными и «запретил» отбирать землю у помещиков. Он в спешном порядке сочинил собственный аграрный проект, предусматривавший сохранение крупной земельной собственности (до 1 тыс. га на семью). Помещики выделили ему в награду за это 100 тыс. руб. на «поиски решения» земельного вопроса. Главари «Сфатул Цэрий» растревляли национальную рознь, пытаясь противопоставить друг другу населявшие Бессарабию народы и подорвать таким образом их революционную энергию. В начале декабря «Сфатул Цэрий», не будучи на это никем уполномочен, провозгласил создание «Молдавской народной республики» в рамках Федеративной Российской республики (речь шла о буржуазной федерации).

Однако крестьянство Молдавии явочным порядком проводило в жизнь ленинский Декрет о земле. Самозванцы из «Сфатул Цэрий» пытались было двинуть против народа созданные незадолго до этого национальные части. Но 1-й Молдавский полк наотрез отказался участвовать

⁴² Д. И. Антонюк и др. Указ. соч., стр. 126. Предательская роль «Сфатул Цэрий», его борьба против Советской власти хорошо показаны в трудах молдавских историков, которые мы здесь используем.

⁴³ Там же, стр. 85; К. О. С л у ц к а я. Указ. соч., стр. 179.

в подавлении восставших против помещиков крестьян. Бессарабский крестьянский съезд отверг сотрудничество со «Сфатул Цэрий». И даже сколоченная в «Сфатул Цэрий» крестьянская фракция направила делегатов в Петроград, поручив им заявить о признании Советской власти. Не лучшие обстояли дела «Сфатул Цэрий» и в городах. Многочисленный пролетариат Бессарабии стал опорой Советской власти в Молдавии. В конце ноября — начале декабря Кишиневский, Бендерский, Унгенский, Бричанский, Окницкий, Ларгский и другие Советы, комитеты многих полков, корпусов и армий Румынского фронта решительно высказывались за рабоче-крестьянское правительство во главе с В. И. Лениным.

«Ни торжественная литургия архиепископа Гавриила перед иконой Николая Чудотворца в честь провозглашенной 6 декабря бутафорской «Молдавской республики», которую никто не желал признавать за суверенное государство, ни формирование ее правительства в лице совета генеральных директоров, ни попытка создать «национальную армию» как орудие контрреволюционной политики, ни щедрые обещания радикальной аграрной и других реформ, ни заверения о включении «Молдавской республики» в состав Российской демократической республики — ничто уже никого не могло обмануть»⁴⁴, — пишут о действиях «Сфатул Цэрий» С. К. Брысякин и М. К. Сытник. Глава так называемого правительства «Сфатул Цэрий» П. Ерхан жаловался: «На территории Молдавской республики нет его власти. Умоляю «Сфатул Цэрий» найти достаточно сил для организации всего того, что нужно, иначе все превратится в бумажное дело»⁴⁵.

Чем же можно объяснить параллельное существование в крае Советов и «Сфатул Цэрий»? Почему подлинно народное представительство мирилось с этой самозваной организацией? Объяснить это можно чрезмерным либерализмом советских органов, которые, будучи сбиты с толку лживыми маневрами «Сфатул Цэрий», сперва стремились развить некогда не существовавшие в нем демократические тенденции, а разобравшись в его реакционной сути, ждали, пока он окончательно не разоблачит себя в глазах масс. Об этом, в частности, свидетельствует резолюция Кишиневского Совета от 5 декабря 1917 г., — когда ленинцы еще не имели в нем большинства, — предлагавшая «поддерживать «Сфатул Цэрий» в тех его начинаниях, которые будут направлены к проведению в жизнь народов Бессарабии постановлений II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и декретов о земле, о рабочем контроле, о мире»⁴⁶. Резолюция эта настолько подбодрила «Сфатул Цэрий», что он создал пресловутый совет генеральных директоров, а в его вестнике было объявлено, что с этого момента «все самочинные органы исполнительной власти, существовавшие до сих пор, теряют свой смысл, свое значение, а потому и силу»⁴⁷.

Но очень скоро стало ясно, какие органы в Бессарабии являются самочинными, а какие в действительности поставлены народом и выражают его интересы и чаяния. 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.) в Кишинев прибыл Фронтотдел исполнительного комитета Румчерода. 1 (14) января он взял в свои руки телеграф, телефон, радио, Кишиневскую и Унгенскую железнодорожные станции. Фронтотдел разоблачил «Сфатул Цэрий» как «палача Бессарабии» и «душителя революционного пыла молдавского крестьянства»⁴⁸. Обновленный, пополненный рабо-

⁴⁴ С. К. Брысякин, М. К. Сытник. Указ. соч., стр. 17.

⁴⁵ Д. И. Антонович и др. Указ. соч., стр. 127.

⁴⁶ Цит. по: К. О. Слудская. Указ. соч., стр. 194.

⁴⁷ Цит. по: там же, стр. 207.

⁴⁸ «Борьба за власть Советов в Молдавии...», стр. 268—270. Полное название Румчерода — Центральный Исполнительный Комитет солдатских, матросских, рабочих и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского округа.

чими депутатами, Кишиневский Совет стал действовать как полномочный орган государственной власти. В Бессарабии повсеместно утвердилась Советская власть. «Сфатул Цэрий» и его директорат были изолированы, многие его члены разбежались. Его вестник горевал по поводу почти полной пустоты на «депутатских» скамьях в критические дни, его военный представитель подполковник Худолей признавал, что «в распоряжении директората нет средств и силы для восстановления положения»⁴⁹. У обанкротившихся главарей «Сфатул Цэрий» оставалось одно средство — обратиться за помощью к международному империализму. П. Ерман, заявляя, что «анархия» приняла в Бессарабии «чудовищные размеры, а подавить ее местными силами невозможно», настаивал на «вводе иностранных войск как можно скорее»⁵⁰.

Зная о царящих в крае настроениях, главари «Сфатул Цэрий» до поры до времени клялись, что и не помышляют о том, чтобы оторвать Молдавию от России. Ротмистр В. Чижевский, председатель «Военно-молдавского съезда», вспоминал: «Большей лояльности и преданности российской государственности, чем ту, которую я наблюдал у солдат-молдаван, трудно себе представить. На съезде был момент, когда кто-то кого-то заподозрил в сепаратизме, и надо было видеть, какой переполох поднялся среди участников съезда»⁵¹. Характерна в этом плане и резолюция собрания 1-го Молдавского полка и некоторых других частей, принятая в обстановке, когда солдат-молдаван сбивал с толку мнимодемократической трескотней «Сфатул Цэрий» и одурманивала националистическая пропаганда. Солдаты обращались «ко всей революционной демократии Российской республики с криком из глубины своей души, что Бессарабия не желает никаких отделений от России, не признает никакой румынизации или украинизации, а желает жить самостоятельной жизнью, входя в семью великой неделимой федеративной республики, исходя лишь из великого лозунга самоопределения национальностей»⁵².

Учитывая эти настроения, «Сфатул Цэрий» заверял, что не мыслит существования Бессарабии иначе как в составе России. В опубликованной 3 (16) января 1918 г. в его газете статье «Естественная ориентация» говорилось: «Для Молдавской республики Прут должен стать в дальнейшей истории края не только географической границей, но и границей политической. Не с отсталыми в политическом и экономическом отношении народами пойдем мы рука об руку, а с передовыми народами. Не за Прут, а за Днестр лежит наш путь». «Сфатул Цэрий» обнародовал даже специальную коммюнике, «опровергавшее» слухи о его сговоре с румынской олигархией. И. Инкулец дал интервью, в котором объявил их «вздорными», не посягаясь на самые нелицеподобные эпитеты по адресу их распространителей: «совершенный абсурд», «продукт сознательной провокации темных сил, подкапывающихся под устои Молдавской республики»⁵³. Инкулец в своем лицемерии дошел до того, что выразил надежду на то, что «Сфатул Цэрий» удастся защитить край «от поползновения со стороны Румынии»⁵⁴.

В действительности контакты с румынской олигархией были установлены уже через неделю после открытия «Сфатул Цэрий». В Яссы зачастили его тайные посланцы⁵⁵. Они встретили там радушный прием, а главари «Сфатул Цэрий» были взяты румынской реакцией на содержание. Когда архивы буржуазной Румынии стали доступны историкам, вы-

⁴⁹ Д. И. Антонык и др. Указ. соч., стр. 137.

⁵⁰ Там же, стр. 155.

⁵¹ В. Дембо. Никогда не забыть! М. 1924, стр. 22.

⁵² К. О. Служкая. Указ. соч., стр. 221.

⁵³ Цит. по: там же, стр. 227.

⁵⁴ Д. И. Антонык и др. Указ. соч., стр. 152.

⁵⁵ Интересный и показательный материал по этому вопросу см.: Д. И. Антонык и др. Указ. соч.

яснилось, что все, вплоть до эксплуатации здания, в котором размещался «Сфатул Цэрий», и его канцелярских расходов, финансировалось румынской казной, затратившей на эти цели в общей сложности более 2 млн. лей. Произошел обмен эмиссарами: в Кишинев для установления контактов с внутренней контрреволюцией прибыли под видом союзнической комиссии по продовольствию представители Франции, Англии, США и Румынии.

Когда полный провал «самодеятельности» «Сфатул Цэрий» стал очевидным фактом, совет его директоров на тайном заседании 19 декабря (1 января 1918 г.) решил просить у Щербачева и «союзников» (то есть практически у Румынии) помощь для разгрома «анархии». На следующий день это обращение — столь же секретно — было одобрено «Сфатул Цэрий» большинством голосов. Против выступили крестьянская фракция и некоторые другие депутаты. 22 декабря (4 января) 1918 г. П. Ерхан обратился уже непосредственно к румынскому правительству, прося «распорядиться о посылке в Кишинев одного полка трансильванцев возможно скорее». В Яссы за «помощью» против собственного народа поспешно отправились И. Пеливан и В. Кристи. Они побывали даже на приеме у американского посланника. 28 декабря (10 января) 1918 г. «Сфатул Цэрий» принимает еще одну резолюцию — о вводе иностранных войск в случае «крайней необходимости»⁵⁶.

«Приглашение» застало интервентов, можно сказать, в пути. Уже был спровоцирован упоминавшийся выше кровавый инцидент в Леово. Были захвачены румынскими войсками Кагул и Унгены с прилегающими селами. Происходило разоружение русских частей Румынского фронта, которые могли защитить Советскую власть в Бессарабии. 24 декабря (6 января 1918 г.), в тот самый день, когда И. Инкулец «с негодованием» опровергал слухи о вторжении, румынский военный министр генерал Янковеску по решению своего правительства распорядился направить в Кишинев сформированный в Киеве полк трансильванцев. 3 (16) января 1918 г. у премьер-министра И. Брэтиану состоялось совещание с участием руководителя французской военной миссии генерала К. Бертело и румынских генералов К. Презана, Янковеску, Е. Григореску, А. Вэйтояну и А. Авереску. Обсуждался вопрос об отправке румынских войск в Бессарабию. Все понимали, что это оголит германский фронт. Авереску заметил, что после ухода русских частей удержать фронт все равно не удастся. На следующий день, 4 (17) января, совет министров Румынии «решил направить войска в Бессарабию»⁵⁷.

Как ни лицемерили главари «Сфатул Цэрий», тайное становилось явным. 5 (18) января П. Ерхана вызвали на расшнурованное заседание Кишиневского Совета с участием представителя Фронтотдела. Сохранился протокол этого собрания, из которого видно, что на нем оглашались сведения о согласии «Сфатул Цэрий» на приход румынских войск. Но никаких мер не было принято. П. Ерхан встал даже в позу «оклеветанного» и обиженного⁵⁸. И все это происходило за несколько часов до попытки захвата Кишинева полком трансильванцев, предпринятой в ночь на 6 (19) января.

Лишь когда вторжение стало фактом, советские органы приступили к действиям. Резиденцию «Сфатул Цэрий» заняли советские войска. Румынские офицеры, члены «союзнической продовольственной закупочной

⁵⁶ См. указ. работы Н. В. Березнякова, К. О. Слупкой, Д. И. Антоюка и др.; «Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение...», стр. 114; Ч. Вопичка — Р. Лансингу, 28 декабря 1917 г. (н. ст.) («Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918, Russia». Vol. II, p. 707).

⁵⁷ А. Авереску. *Notițe zilnice din război (1916—1918)*, pp. 278—281.

⁵⁸ «Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции...», стр. 27—29.

комиссии», занимавшиеся сбором агентурной информации, были арестованы и высланы в Одессу. Инкульца и Ерхана призвали к ответу. Но они отделались испугом, заявив, что к вторжению не причастны. Инкулец добавил: «По городу ходят слухи, что по вопросу о вводе войск из Румынии предпринимались какие-то меры директорами Пеливаном, Сэкарой и Котряном, но ни «Сфатул Цэрий», ни генеральный директорат никакого постановления по этому вопросу не выносили»⁵⁹. Продолжая лицемерить, они даже подписали телеграмму протеста Щербачеву и румынскому правительству. Вестник «Сфатул Цэрий» писал 13 января о поведении и «лидеров» и «рядовых» этого самозванного органа в самых нелестных выражениях: «Депутаты «Сфатул Цэрий», притаившись по углам, из безопасного далека наблюдали за развернувшимися историческими событиями». Некоторые из них бежали в Яссы и вернулись в Бессарабию в обозе оккупантов. И хотя местные органы Советской власти никого не интернировали, Щербачеву была направлена провокационная телеграмма об аресте «части молдавского правительства», которую последний немедленно пустил в ход.

Основной удар по Кишиневу румынская олигархия собиралась нанести с тыла, воспользовавшись частями, сформированными в Дарнице, под Киевом, из жителей Трансильвании, бывших пленных австро-венгерской армии. Эшелон волонтеров, якобы направлявшийся на фронт, вызывал меньше подозрений. Но революционные власти, учитывая сообщения о готовящемся вторжении, были начеку. Предпринятая в ночь на 6 (19) января попытка захвата вокзала в Кишиневе потерпела провал. Сил местного гарнизона оказалось достаточно для того, чтобы окружить и разоружить интервентов. В защите станции принимал участие и 1-й Молдавский полк. Одновременно румынские батальоны, высадившись на станции Гидигич, двинулись к бессарабской столице с фронта. В 7 верстах от Кишинева они были встречены советскими частями и присоединившимися к ним добровольцами из местных жителей и после боя, длившегося всю ночь, отступили к Пруту. Неудачу потерпел и румынский бронепоезд в районе станции Унген⁶⁰ и захватчики, прорвавшиеся в Корнешты. Убедившись, что малыми силами Бессарабию захватить нельзя, румынское командование начало операцию крупного масштаба. Через Прут были переправлены 4 дивизии — на юг двигалась 13-я пехотная, на Кишинев — 11-я, на север — 2-я и 1-я кавалерийские дивизии. Завязались тяжелые бои. На севере интервенты встретили ожесточенное сопротивление стоявших на советской платформе частей старой VIII армии, местного населения и первых отрядов Красной гвардии. Генерал М. Скина, командир 1-й румынской кавдивизии, попал в плен к местным жителям⁶¹.

В разгар вторжения в Бельцах 14 (27) января открылся II уездный съезд крестьянских депутатов. На нем комиссар «Сфатул Цэрий» по уезду В. М. Рудьев публично отмежевался от предателей: «Я против гнусного поступка продажных шкур из «Сфатул Цэрий», я — сын крестьянина-бессарабца. Я первый примкну к тем силам, которые будут с оружием в руках отстанвать родную Бессарабию от оккупации румынских полчищ»⁶².

⁵⁹ Цит. по: К. О. Слущкая. Указ. соч., стр. 236.

⁶⁰ Н. В. Березняков. Указ. соч., стр. 106—110.

⁶¹ М. Б. Иткис, Н. Д. Ройтман. Борьба за власть Советов на севере Бессарабии. «Из истории революционного движения и социалистического строительства в Молдавии». Кишинев. 1960, стр. 27—60; М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте. М. 1964, стр. 296—360.

⁶² Цит. по: «Страницы истории комсомола Молдавии». Кишинев. 1966, стр. 49.

Сражение под Кишиневом длилось три дня. Лишь исчерпав все возможности сопротивления, революционные части под командованием Е. М. Винедиктова отошли к Бендерам. Здесь и на юге Бессарабии завязались многонедельные бои. Образованный из рабочих, крестьян, солдат и учащихся отряд под командованием Г. И. Старого отбил первый натиск оккупантов на Бендеры. Только после пятидневных боев 20 января (2 февраля) румынской пехоте удалось ворваться в город. Но сражение этим не закончилось. На левый берег Днестра стягивались красные силы — партизаны Г. И. Котовского, матросские отряды из Одессы и Николаева. Сюда же прибыл батальон интернационалистов-румын, сформированный в Одессе румынским социаль-демократическим комитетом действия. 23 января (5 февраля) началась их наступательная операция. Под прикрытием огня бронепоезда красновардейцы, матросы и интернационалисты переправились по мосту через Днестр. На следующий день после жестокой схватки ими была взята Бендерская крепость, а интервенты вышвырнуты из города⁶³. Самое деятельное участие в уличных боях принимали местные жители. Они, признает К. Кирицеску, «перерезали телефонные провода и обстреливали отступающие из города румынские войска, причинив им большие потери»⁶⁴. «Боевым крещением румынского пролетариата у ворот Бендер» назвала эту победу выходившая в Одессе газета «Lupta»⁶⁵.

Через два дня, подвергнув Бендеры артобстрелу, интервенты ворвались в город и учинили там жестокую расправу. «Излив свою злобу, — писал Щербачев-сын, — они возвратились в город, и жестокости, учиненные там, не поддаются описаниям. Лица, почему-либо не понравившиеся румынам, пропадали, и через несколько дней их находили в Днестре...»⁶⁶.

На юге 13-я румынская дивизия натолкнулась на сильное сопротивление у Болграда. Интервентам пришлось спешно подтянуть кавалерию, чтобы захватить город. Четыре дня отбивали натиск врага жители Измаила, солдаты и матросы местного порта. При обороне порта Килия помощь его населению оказали команды стоявших здесь румынских судов, поднявших восстание, и корабли Дунайской военной флотилии, комиссаром которой был А. Г. Железняков. В поддержку интервентов выступили белогвардейцы Щербачева, полицейские и жандармы. Из Килии советские силы вынуждены были отступить к рыбацкому поселку Вилков, русское население которого поголовно встало на борьбу с интервентами. И лишь после того, как подошедшие по реке к Вилкову румынские канонерки подавили огневые точки, поселок 15 (28) февраля был захвачен интервентами. Но очаги организованного военного сопротивления на юге Бессарабии оставались и позднее. Аккерман держался до середины марта, пока в результате захвата Одессы австро-германскими оккупантами не лишился всякой помощи.

Захватчики натолкнулись на ожесточенное сопротивление не только у стен городов, но и со стороны молдавских, украинских, русских, болгарских и гагаузских крестьян. Обрежа, Будучены, Татаровка, Киперчены, Чеколтены на севере края, Займа, Каушаны, Бычок, Комрат на юге, Кубей, Байрамча, Акмагаит под Аккерманом, деревни старообрядцев вокруг Вилкова сами организовывали отпор интервентам⁶⁷. «Бой у по-

⁶³ «Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции», стр. 77—81; «Amintiri ale foștilor voluntari români din Armata Roșie». București. 1957, pp. 81—82.

⁶⁴ С. Kirișescu. Op. cit. Vol. III, p. 92.

⁶⁵ Цит. по: «Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции», стр. 79.

⁶⁶ А. Рябинин-Скляревский. Указ. соч., стр. 110.

⁶⁷ «Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение...», стр. 62—68.

граничной станции Унгены, трехдневное сражение под Кишиневом, вооруженное сопротивление у сел Каушаны, Делачеу, Анены, Телица, Фарладены, оборона Бендер и Бельц, многодневные бои на юге Бессарабии стали первоначальными вехами борьбы против интервентов»⁶⁸.

Занятая, но не покоренная Бессарабия продолжала борьбу. В 722 городах, селах, местечках, деревнях края на собраниях, митингах, крестьянских сходках были приняты резолюции протеста против вторжения. «Не отделяться от России, а идти с ней рука в руку, со всем русским народом для устранения всех врагов народа»⁶⁹, — заявлял II съезд крестьянских депутатов Бельцкого уезда. 19 января (1 февраля) в занятом оккупантами Кишиневе открылся III съезд крестьянских депутатов Бессарабии. Захватчики и их приспешники из «Сфатул Цэрий» были уверены, что на съезде не будет голосов протеста. Халиппа и Ерхан присутствовали даже на его открытии. Но съезд выступил против захвата Бессарабии Румынией и избрал своим председателем В. М. Рудьева, известного своими смелыми выступлениями против интервентов и их прихвостней. С трибуны съезда он говорил: «Единственное средство освободить наш дорогой край — выгнать в 24 часа румын, не жалея жизни своих, вставши, как один человек, за поруганную румынами нашу свободу, добытую борьбой и кровью наших братьев»⁷⁰. Оккупанты не стали дожидаться, пока «мятежное» собрание завершит свою работу. Солдаты генерала Броштяну разогнали съезд, арестовали многих его участников. Рудьев, Катарос, Панцырь, Прахницкий, Чумаченко были расстреляны. Но протесты против оккупантов продолжали поступать — от крестьянских депутатов из Бендер, из Казанештской волости, Оргеевского уезда, от союза учителей Бендерского уезда...

На стенах домов в оккупированных городах и селах Бессарабии был расклеен приказ генерала Презана: «Объявляю во всеуслышание, что румынское войско не желает ничего другого, как только установления порядка и спокойствия, которые оно несет вам, дает возможность укрепить вашу автономию и ваши свободы, румынское войско не обидит ни единого жителя, какой бы национальности и какой бы религии он ни был. Немедленно после установления порядка и спокойствия... воины-румыны возвратятся к себе домой»⁷¹. Декларации подобного рода, имевшие целью обмануть население, сыграли определенную роль, введя в заблуждение легковверных. Но не успела высохнуть типографская краска, как стало ясно, что значат «порядок и спокойствие» в понимании румынского командования. Начались расправы. Кишинев был объявлен на военном положении. В Бендерах местом расстрела стал «Черный забор» — пространство между городом и железной дорогой. В небольшом Измаиле аресту подверглось 1,5 тыс. человек, в Бельцах — более тысячи. Оккупанты ввели комендантский час, грозили расстрелом за сохранение оружия, требовали выдачи большевиков⁷².

Зловещий альянс Антанты, белогвардейско-националистической контрреволюции и румынской олигархии проявился в том, что вместе с румынскими захватчиками на Кишинев наступали гайдамацкие курени Украинской рады и офицеры — подручные Щербачева. Дипломатия Антанты расчищала им путь, распространяя лживые уверения в будто бы временном и неполитическом характере предпринимаемой акции. Самозванный французский консул в Кишиневе П. Сарре, упреждая вторжение, в интервью, помещенном в вестнике «Сфатул Цэрий» 25 декабря

⁶⁸ Я. М. Копанский. Указ. соч., стр. 7—8.

⁶⁹ «Борьба за власть Советов в Молдавии...», стр. 293

⁷⁰ «Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение...», стр. 78.

⁷¹ Цит. по: С. К. Брысякин, М. К. Сытник. Указ. соч., стр. 73.

⁷² «Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции», стр. 101.

1917 г., «поручился», что иностранные войска не покусятся на свободы, завоеванные революцией, и вообще «исчезнут в тот момент, когда молдавские войска смогут их заменить». Через месяц та же газета опубликовала телеграмму французского посланника в Яссах А. Сен-Олера: «Все мои коллеги, послы союзных держав, и я сам уполномочены вам официально заявить, что вступление румынских войск в Бессарабию является мерой исключительно военной, имеющей целью охрану нормального функционирования тыла румынско-русского фронта...»⁷³.

Хотя империалистические планы выдачи Бессарабии румынским правителям возникли в западных столицах уже до Октябрьской революции⁷⁴, в январе 1918 г. там еще в какой-то степени считались с белогвардейской клиентурой и не спешили открыто выдавать санкцию на захват⁷⁵. Но цели Антанты (создать в Бессарабии антисоветский плацдарм), румынских правителей (окупировать этот край) и «Сфатул Цэрий» (задушить здесь социалистическую революцию) совпадали⁷⁶. Действия западных дипломатов в Яссах способствовали осуществлению оккупации, играли на руку румынской олигархии.

Через две недели после вторжения главари «Сфатул Цэрий», по подсказке из Ясс⁷⁷, «отделились от России». Об этом они поспешили информировать Антанту и США⁷⁸. Реакции на просьбу о признании «независимой» Молдавской республики не последовало. Государственный секретарь США Р. Лансинг писал послу Франции Юссерану: «Складывается впечатление, что рассмотрение данного вопроса следует отложить ввиду нынешнего неопределенного положения вещей»⁷⁹. На Даунинг-стрит и Кэ д'Орсэ прошение «Сфатул Цэрий» тоже спрятали под сукно.

Положение в те дни было гораздо более определенным, чем рисовал его Лансинг. Советские войска успешно наступали на Украине. 26 января (8 февраля) 1918 г. под их натиском Центральная рада бежала из Киева. В. И. Ленин отдал распоряжение частям, освободившим город, действовать «как можно энергичнее на Румынском фронте»⁸⁰. Особая армия под командованием А. И. Егорова наголову разбила румынскую дивизию, пытавшуюся переправиться через Днестр у Рыбницы. Революционные войска после четырехчасового боя заняли город⁸¹.

Спротивление населения Бессарабии и удары, нанесенные интервентам Красной Армией, явились решающим фактором, заставившим румынское правительство пойти на определенные шаги в целях урегулирования конфликта. Существовали, однако, и другие обстоятельства, подталкивавшие его на этот путь. «Началу переговоров,—справедливо отмечают советские исследователи,—благоприятствовало стремление Румынии вернуть из Одессы арестованных советскими органами в начале интервенции румынских политических и военных деятелей. Предста-

⁷³ Цит. по: «История дипломатии». Т. II. М. 1945, стр. 354.

⁷⁴ См. Э. Хауза. Архив полковника Хауза. Т. 3. М. 1939, стр. 37.

⁷⁵ Даже в июле 1919 г. совет министров иностранных дел Антанты откладывает решение о Бессарабии. Союзники признали «права» Румынии на Бессарабию протоколом, подписанным в Париже 28 октября 1920 г., то есть тогда, когда рухнули надежды на успех антисоветских походов. Надо сказать, что протокол не был ратифицирован всеми его участниками и с формальной стороны не имел юридической силы даже для подписавших его стран (см. А. М. Лазарев. Указ. соч., стр. 155—156, 161).

⁷⁶ С. К. Брысякин, М. К. Сытник. Указ. соч., стр. 16.

⁷⁷ А. Авереску, тогдашний глава румынского правительства, признавался, что это он решил «отделить» Бессарабию от России («Desbaterile adunării deputaților. Sesiunea ordinara 1917—1918», p. 224).

⁷⁸ Телеграмма Д. Чугуряну и И. Пеливана от 11(24) февраля 1918 г. («Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia». Vol. II. Washington. 1932, p. 715).

⁷⁹ Р. Лансинг — Юссерану 19 февраля 1918 года. Ibid.

⁸⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 50, стр. 41.

⁸¹ «Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции...», стр. 140.

вители Антанты решили содействовать переговорам, надеясь с их помощью сорвать мирные переговоры Страны Советов с Центральными державами»⁸².

В годы мировой войны на юге России сложилась значительная румынская эмиграция. Сюда была эвакуирована часть промышленности Румынии. На Украине насчитывалось до 25 тыс. рабочих, солдат и моряков из этой страны⁸³. Здесь же находилось множество представителей «другой», буржуазно-помещичьей Румынии — офицеры, интенданты, чиновники, парламентарии вместе с их семьями (было открыто даже три лица для их детей).

Социалистическая революция в России поставила членов румынской колонии на разные стороны баррикады. Выше уже шла речь о румынских революционерах-интернационалистах, сражавшихся на полях Бессарабии. Октябрьскую революцию они восприняли не только как свое кровное дело, но и как сигнал к началу пролетарских битв у себя на родине. В начале января восстали команды румынских судов, стоявших в Новой Килии, Измаиле и Вилкове. На мачтах 13 кораблей взвились красные флаги. В принятом матросами воззвании говорилось: «Мы, революционный социал-демократический румынский народ, вместе со всей русской армией и флотом объявили войну королю Фердинанту (так в тексте.— В. В.) и румынской олигархии»⁸⁴. В Одессе румынские революционеры участвовали в схватках с гайдамаками буржуазной Центральной рады, закончившихся установлением в городе Советской власти. Узнав о вторжении румынских войск в Бессарабию, издававшаяся здесь газета «Лурта» писала: «В день, когда землю Бессарабии стали топтать захватнические войска олигархии, румынские рабочие, крестьяне и солдаты, проживающие в Одессе, организовали демонстрации на улицах этого большого черноморского города и обратились в русские революционные организации за оружием, чтобы выйти на борьбу против правительства, которое, погубив страну, трусливо обратило оружие против русской революции»⁸⁵. Так появились два румынских батальона, сухопутный и морской, первые из плеяды частей интернационалистов, сражавшихся на фронтах гражданской войны. 13 (26) января румынскими революционерами с помощью экипажей были захвачены стоявшие в Одесском порту румынские суда. При этом «в плен» к соотечественникам попала большая группа парламентариев. Румынский революционный комитет действовал как зародыш новой власти и был признан всеми советскими организациями. Он располагал вооруженной силой, вел, широкую пропагандистскую деятельность среди соотечественников, производил аресты контрреволюционеров. Румынский батальон занял помещение консульства Румынии, помещения учреждений и складов⁸⁶.

11 (24) января 1918 г. советские власти в Одессе потребовали у румынского правительства немедленного вывода всех войск из захваченных им районов Российской Федеративной республики. Накануне они

⁸² «Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение», стр. 81—82.

⁸³ В. М. Рожко. Участие румынских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне в СССР (1917—1920 гг.). Канд. дисс. Кишинев. 1964, стр. 44—45.

⁸⁴ ЦГАОР СССР, КМФ — 14, 3А — 32, пленка 155, ч. II.

⁸⁵ «Лурта», 13.I.1918. Цит. по: В. Рожко. Дружба, закаленная в боях. Кишинев. 1965, стр. 31—33. В документах той поры иногда прямо указывалось, что эти батальоны формировались «исключительно в целях войны с Румынией» (АВП СССР, ф. 125, оп. 1, д. 13, п. 2).

⁸⁶ В. Н. Виноградов. Румыния в годы первой мировой войны. М. 1969, стр. 268.

обратились во французское, британское и румынское консульства с просьбой предпринять необходимые для этого шаги⁸⁷. В ответ дипломаты Антанты лицемерно заявили: «Собрание консулов выражает свое глубокое сожаление по поводу того, что известные общественные круги стараются использовать печальное недоразумение, происшедшее в некоторых пунктах Бессарабии, куда были посланы мелкие румынские отряды для охраны румынских государственных магазинов, как повод к вызову войны между двумя союзными народами»⁸⁸. В том же духе изъяснялся представитель Румынии в Одессе Гречану: «О вступлении румын в Бессарабию, повторяю, честное слово, мне ничего официально не известно. На газетных же телеграммах я не могу базироваться»⁸⁹.

Представители королевской Румынии продолжали делать вид, что ничего не произошло. Генерал Вивеску обратился к местным советским властям 23 января (5 февраля) с просьбой освободить арестованных в Одессе офицеров и разрешить работу возглавляемой им дирекции снабжения⁹⁰. Консул Гречану бурно реагировал на вполне обоснованные действия органов Советской власти и румынских революционеров, инкриминируя им «массовые аресты беженцев — румын в Одессе, наших парламентариев и официальных лиц»⁹¹. Он и поддерживавшие его консулы Антанты получили исполненный достоинства ответ: органы Советской власти, указывалось в нем, не интернировали ни женщин, ни детей, как это делается в Румынии. Из десятков тысяч румын, находящихся в районе Одессы, они отобрали несколько десятков человек, интернирование которых диктуется политическими и военными соображениями, да и те находятся в куда более комфортабельной обстановке, чем это обычно принято⁹². К румынскому консульству, дабы предотвратить всякую возможность каких-либо инцидентов, был направлен красногвардейский патруль, за что Гречану выразил «горячую благодарность»⁹³.

Советским властям пришлось разъяснять дипломатам Антанты, что «вторжение и нападение румынских войск является не недоразумением, а в высшей степени прискорбным сознательным политическим актом»⁹⁴. Предложение же потребовать вывода войск оккупантов из Бессарабии консулы переадресовали союзным миссиям в Яссы: 15 (28) января консульский корпус «с крайним сожалением» сообщил, что вопрос о прекращении военных действий румынами выходит за рамки его компетенции и что этим должны заниматься посланники в Яссах⁹⁵. Под этим заявлением стояли подписи представителей Греции, США, Сербии, Франции, Англии и Италии. 27 января (9 февраля) итальянский посланник в Румынии Фашиотти радировал в Одессу, что румынское правительство согласно вступить в переговоры⁹⁶.

Все это убедительно свидетельствует не только об осведомленности, но и о прямой причастности дипломатии Антанты к тем контактам советских властей с румынским правительством, которые были установлены 26 января (8 февраля) 1918 года⁹⁷. Чисто техническую помощь при этом

⁸⁷ «Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции...», стр. 58—60.

⁸⁸ Там же, стр. 61.

⁸⁹ Там же, стр. 60.

⁹⁰ АВП СССР, ф. 125, оп. 1, д. 11, п. 2, л. 15.

⁹¹ Там же, л. 18.

⁹² «Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции...», стр. 140—141.

⁹³ АВП СССР, ф. 125, оп. 1, д. 11, п. 2, л. 19.

⁹⁴ «Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции...», стр. 66—67.

⁹⁵ АВП СССР, ф. 125, оп. 1, д. 11, п. 2.

⁹⁶ «Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции...», стр. 96—97.

⁹⁷ Там же, стр. 95; ДВП СССР. Т. I, стр. 111, 114.

оказали представители румынской буржуазно-помещичьей эмиграции в Одессе, остававшиеся здесь в разгар боев советских войск с петлюровцами. Они образовали своего рода неофициальный комитет во главе с генералом Н. Крэйничану⁹⁸ и 22 января (4 февраля) 1918 г. направили советским властям Одессы письмо, заверяя их, будто «вступление» румынских войск в Бессарабию не является актом вмешательства во внутренние дела России и произведено лишь в целях «защиты» продовольственных запасов. Они предлагали свои услуги в установлении связи с румынским правительством для мирного решения вопроса с тем, чтобы «продвижение» румынских войск ограничилось охраной складов. Под этим обращением стояли подписи 35 членов парламента Румынии⁹⁹.

Представители Антанты, выступавшие в роли посредников, побили рекорды лицемерия, заверяя советскую сторону в своих добрых намерениях. Французский офицер Рейхтзамер договорился до утверждения, будто «есть документы», свидетельствующие о том, что Франция против «экспедиции в Бессарабию»¹⁰⁰. Глава французской военной миссии в Одессе полковник Аркье сообщил о распоряжении генерала Бертело, чтобы ни один французский военный служащий не принимал «участия в военных действиях против русских, к какой бы политической партии они ни принадлежали»¹⁰¹. 25 января (7 февраля) он заверял советские власти, что посланная в Яссы комиссия, включавшая двух французских офицеров, «потребует от румын немедленного прекращения расстрелов и арестов русских граждан» и должна «ликвидировать историю введения румынских войск в Бессарабию»¹⁰². Румынские эмигранты, следившие за деятельностью Аркье, даже обвинили его «в тесной связи с большевиками»¹⁰³.

Прибывшие в конце января в Одессу члены Верховной автономной коллегии по русско-румынским делам¹⁰⁴ взяли дело переговоров в свои руки¹⁰⁵. Проявляя готовность к достижению соглашения на принципиальной и приемлемой основе, коллегия приняла предложение «английского полковника Бойля» и Аркье об образовании смешанной комиссии для урегулирования конфликта. Это предложение было подкреплено телеграммой дуайена дипкорпуса в Румынии, итальянского посланника Фашиотти от 21 февраля 1918 г. (н. ст.), направленной консулам девяти держав в Одессу. В ней говорилось: «Что касается Бессарабии, напомним, что интервенция румынских войск является военной операцией, не носящей политического характера, предпринятой с полного согласия союзников и бессарабских властей с гуманной целью обеспечить снабжение русских и румынских войск, а также гражданского населения»¹⁰⁶. Фашиотти поставил своей телеграммой некоторых коллег в Одессе, отрицавших причастность Антанты к захвату Бессарабии, в крайне неловкое положение. Но его заявление в отсутствие у оккупантов политических намерений открывало дверь для переговоров. Верховная автономная коллегия выработала условия соглашения, которые были отправлены в Яссы. После этого 5 и 9 марта (н. ст.) в Одессе и Яссах были под-

⁹⁸ ЦГАОР СССР, КМФ — 14, 3А—32, пленка 154, ч. I.

⁹⁹ АВП СССР, ф. 125, оп. 1, д. 26, п. 3, л. 74.

¹⁰⁰ Там же, д. 12, п. 2, л. 20.

¹⁰¹ Там же, д. 24, п. 2.

¹⁰² Записка написана по-русски, отсюда ее стилистические погрешности (АВП СССР, ф. 126, оп. 1, д. 24, п. 2).

¹⁰³ ЦГАОР СССР, КМФ—14, 3А—32, пленка 154, л. 2.

¹⁰⁴ Эта коллегия была образована Совнаркомом РСФСР 15(28) января 1918 г. для решения вопросов, связанных с конфликтом с Румынией (см. Д. И. Антонюк и др. Указ. соч., стр. 165).

¹⁰⁵ ДВП СССР. Т. I, стр. 14; «Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции...», стр. 140—141. О миссии Бойля см. «L'indépendance roumaine», 27.III(9.IV), 3(16).IV.1918.

¹⁰⁶ АВП СССР, ф. 125, оп. 1, д. 8, п. 1, л. 19; см. также ДВП СССР. Т. II, стр. 251.

писаны Протокол о ликвидации русско-румынского конфликта и Русско-румынское соглашение об очищении Бессарабии¹⁰⁷.

В соглашении самым недвусмысленным образом было зафиксировано обязательство Румынии очистить Бессарабию в течение двух месяцев и «не предпринимать военных, неприятельских или других действий против Всероссийской Федерации Советских Республик рабочих и крестьян и не поддерживать таковые, предпринимаемые другими государствами». В то же время условия были составлены так, что лишали румынскую олигархию возможности, ссылаясь на какую-нибудь текстуально-юридическую зацепку, сорвать выполнение достигнутой договоренности. За румынской стороной сохранялось право оставить в Бессарабии значительный отряд для охраны складов и железнодорожных путей. Таким образом Румыния лишалась и формального предлога для вмешательства в дела этого края. Более того, советские власти обещали предоставить ей излишки хлеба, имевшиеся в Бессарабии, и право закупать на территории России другие виды продуктов. В случае вынужденного отступления румынской армии ей предоставлялось убежище на советской территории. В связи с начавшейся австро-германской оккупацией Украины представители Советской власти допускали даже возможность «параллельных действий против Центральных государств и их союзников». Предусматривался и обмен интернированных и арестованных граждан обеих сторон¹⁰⁸.

Подписание этих соглашений являлось большим успехом молодой советской дипломатии. 19 марта начальник штаба революционных частей Румынского фронта доложил Совнаркому о прекращении военных действий¹⁰⁹. 21 марта румынский консул в Москве П. Г. Герен обратился в НКВД с запросом о деятельности возглавляемого им учреждения в связи с ликвидацией «возникшего между румынским правительством и Советской властью конфликта»¹¹⁰. Через несколько дней «Известия» поместили сообщение о достигнутом урегулировании.

Однако при пособничестве как Антанты, так и центральных держав румынская олигархия нарушила подписанные в Одессе и Яссах соглашения.

Посредничество Антанты в русско-румынских переговорах и заверения ее представителей в «дружеских чувствах» являлись частью общего антисоветского маневра международной реакции. В момент острого кризиса на переговорах в Бресте у держав Антанты и США появилась надежда на то, что большевики будут вынуждены продолжать войну с Германией, из Лондона, Парижа и Вашингтона раздались голоса, официальные и неофициальные, о возможности оказания помощи Советской России. В то же время действия антантовских представителей в Яссах и Одессе преследовали и особые цели. Осуществив румынскими штыками подавление Советской власти в Бессарабии, они теперь опасались, как бы оккупанты не потерпели крах, и добивались для них передышки. В этом заключался другой источник их кратковременного «миролюбия». Наконец, Антанта боялась отвлечения значительных румынских сил на восток, ибо не хотела, чтобы перемирие на румынско-германском фронте превращалось в мир.

Что же касается Германии и ее союзников, то они попустительствовали вторжению в Бессарабию. В штаб-квартире фельдмаршала А. Ма-

¹⁰⁷ ДВП СССР. Т. 1, стр. 209—211.

¹⁰⁸ Там же, стр. 210—211.

¹⁰⁹ «Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции...», стр. 144.

¹¹⁰ АВП СССР, ф. 125, оп. 1, д. 25, п. 3.

кензена внимательно следили за тем, как в Бессарабию перебрасывались самые боеспособные части румынской армии, закрывая глаза на то, что это нарушает условия Фокшанского перемирия. Более того, 14 (27) января 1918 г. в Брэиле была подписана дополнительная конвенция о перемирии на море¹¹¹, предоставлявшая Румынии свободу действий и на водных просторах, что сыграло свою роль при подавлении сопротивления оккупантам на юге Бессарабии.

Эти действия центральных держав потворствовали вторжению Антанты в Бессарабию. За предоставление румынской олигархии возможности захвата Бессарабии она, по расчетам Берлина и Вены, должна была заплатить тяжелыми условиями мира. Так антисоветская авантюра связала румынских правителей в один узел с их военными противниками. Глава румынского правительства, начавшего вторжение в Бессарабию, И. Брэтиану сообщал посланнику в Париже В. Антонеску: «Наши бои с максималистами (имеются в виду большевики.— В. В.) делают для армии невозможным сопротивляться немецкому наступлению, если перемирие будет нарушено»¹¹². В Яссах с тревогой ждали, когда немцы предъявят свой бессарабский вексель к оплате. 25 января фельдмаршал Макензен в ультимативной, по существу, ноте потребовал в четырехдневный срок сообщить, намерена ли Румыния вступить в переговоры о мире.

Во временной румынской столице начались лихорадочные заседания под неусыпным надзором союзных посланников, которые иногда располагались в соседней комнате. Свою позицию они изложили в следующем заявлении: «Наши правительства поручили нам выразить свою уверенность в том, что Румыния, верная благородным традициям и жизненным интересам, будет продолжать борьбу с той же энергией, как и в прошлом, и не отделит своей судьбы от судьбы союзников»¹¹³. Чтобы смягчить партнеров по Антанте, И. Брэтиану пришлось восхвалять заслуги румынской олигархии в борьбе против Советской власти. Он напомнил, что по согласованию с ними «предпринял полицейскую акцию против максималистских элементов Румынского фронта»¹¹⁴ и просил считать Румынию «выполнившей свой долг» даже в случае заключения сепаратного мира с центральными державами. Но санкции на него румынские правители так и не получили — правительства Антанты еще раз подтвердили свое заявление¹¹⁵.

Румынской реакции пришлось идти на капитуляцию без перестрелки на случай победы Антанты. Вторжение австро-немецких войск на Украину положило конец ее колебаниям. Оно было воспринято скорее с облегчением, нежели с тревогой: неприятный «контакт» с советскими вооруженными силами прекращался; против захвата Бессарабии немцы не возражали; всплывал старый вариант сотрудничества на почве совместного грабежа России. Немцы и их союзники давали представителям правительств Ал. Авереску, а затем Ал. Маргиломана самые недвусмысленные заверения на этот счет. «Русская анархия,— заявил один из руководителей германской военной администрации в Румынии,— привела к созданию своего рода братства. Вы боретесь против большевиков в Бессарабии; мы вступили на Украину с той же целью»¹¹⁶. «Коварство правительства Авереску не знало границ. Ведя переговоры с советскими представителями, оно дало согласие на пропуск через Бесса-

¹¹¹ ЦГАОР СССР, КМФ—14, 3А—32, пленка 155, ч. II.

¹¹² «Studii și materiale de istorie contemporana». Vol. I. București. 1956, p. 13.

¹¹³ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918». Suppl. 1, «The World War». Vol. I. Washington. 1933, p. 753.

¹¹⁴ Ibid., p. 754.

¹¹⁵ Ibid., p. 762.

¹¹⁶ A. Marghiloman. Note politice. Vol. III. București, 1927, p. 356.

рабию австро-германских войск»¹¹⁷. Три их корпуса прорвались таким путем на Киев и Одессу.

Хотя центральные державы и навязали Румынии грабительский Бухарестский мирный договор от 24 апреля (7 мая) 1918 г., от своих обеща-ний насчет Бессарабии они не отказывались. Напротив, в самые трудные минуты напоминание об удержании захваченного румынскими правите-лями края помогало Германии и Австро-Венгрии вырывать у своих ру-мынских контрагентов все новые уступки. Правда, однажды премьер-ми-нистр Авереску, явно в тактических целях, заметил: «И вообще Бессара-бия заражена большевизмом и присоединять ее к королевству опасно». В ответ министры иностранных дел Германии Р. Кюльман и Австро-Вен-грии О. Чернин посоветовали: «Вам достаточно расстрелять каждого де-сятого, чтобы восстановить порядок»¹¹⁸. Накануне подписания мирного договора преемник Авереску на посту премьера Ал. Маргиломан снова услышал «успокоительные» заявления: «Вы получаете Бессарабию и не жалуйтесь. Благодарите бога, что отделались так легко...». Ставя свою подпись под первыми актами, Маргиломан еще раз обратился к самой тревожной для румынской олигархии теме и спросил Кюльмана: «А те-перь вы дадите мне свободу рук в Бессарабии?». Тот ответил, улыбаясь и жестом руки подтверждая ответ: «Ничего не имеем против»¹¹⁹.

Бухарестский мирный договор предусматривал резкое сокращение состава румынской армии — до 32,2 тыс. человек. Но это относилось лишь к территории «старого королевства». В Бессарабии захватчики могли держать 4 полностью укомплектованные дивизии. Их численный состав вообще не фиксировался, а вооружение не ограничивалось. Мор-ские и речные военные силы Румынии сохранялись неприкосновенными. Так должно было продолжаться до тех пор, пока «в результате прово-димых союзными (Центральными.— В. В.) державами военных опера-ций на Украине границам Румынии не будет угрожать опасность»¹²⁰. В переводе с дипломатического языка это означало, что Германия и Ав-стро-Венгрия гарантируют Румынии обладание Бессарабией. За это ру-мынский премьер-министр обязался поставить центральным державам 12,5 тыс. вагонов бессарабского зерна¹²¹. «Немедленно послал генера-лу Хыржэу необходимые инструкции для секвестра пшеницы в Бессара-бии...»¹²². К маю 1918 г. хлеб был реквизирован и отправлен.

Вернувшись в Яссы, Маргиломан прежде всего пригласил к себе И. Инкульца, Д. Чугуряна и П. Халиппу, которые дожидались здесь ре-шения судьбы «Молдавской республики». Во время частной встречи, а затем на заседании совета министров Румынии был согласован тот фарс «объединения» с буржуазно-помещичьей Румынией, который предсто-яло разыграть в «Сфатул Цэрий» на фоне трагедии бессарабского насе-ления. Маргиломан дал лейтмотив: «Бессарабия слишком слаба, чтобы жить одной и одинокой...»¹²³. Упомянутые деятели, совсем недавно про-возгласившие бутафорскую самостоятельность края, теперь должны бы-ли заявить, что она невозможна. Лишь Инкулец проявил при этом коле-бания. В своих воспоминаниях он писал, что его мучила мысль: а что бу-дет с так называемым объединением Бессарабии с Румынией в случае победы Антанты? Он обратился за советом к посланникам Антанты. Фа-

¹¹⁷ «Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение...», стр. 83.

¹¹⁸ Это циничное заявление встретило бурное одобрение в румынском парламен-те, где А. Авереску привел упомянутый разговор. Раздались возгласы: «Прекрасно ска-зано!» («Desbaterile adunării deputaţilor Sesiunea ordinară 1917—1918, sedința 23.VI. 1918», p. 223).

¹¹⁹ A. Marghiloman. Note politice. Vol. III, pp. 435, 439.

¹²⁰ Ф. И. Нотович. Бухарестский мир 1918 г. М. 1959, стр. 212.

¹²¹ A. Marghiloman. Note politice. Vol. III, pp. 425, 427, 450, 473, 493.

¹²² Ibid., p. 427.

¹²³ Ibid., pp. 443—444, 448.

шиотти смутил его встречным вопросом: «А Вы думаете, молодой человек, что с Россией покончено?» Сомнения Инкульца возросли: «А что будет с нами, с теми, кто хочет оторвать от нее Бессарабию? В конце концов союзники слишком заинтересованы в России, чтобы поощрять ее расчленение». Но в других миссиях его успокоили. С А. Сен-Олером он беседовал о создании на территории России малых «государств, которые будут преданы Франции»¹²⁴. И французский и американский (Ч. Вовичка) посланники обещали поддержать намечавшуюся акцию.

Фашиотти затронул самую болезненную для румынских экспансионистов тему, намекнув, что отвечать за свои действия им все-таки придется. Интересно, что когда преемник генерала Авереску на посту министра иностранных дел Румынии К. К. Арион зачитал в парламенте первый пункт соглашения от 5—9 марта 1918 г. («Румыния обязана очистить Бессарабию в течение двух месяцев»), Авереску высказал свои опасения: «Россия больна, без сомнения, она очень больна, но Россия не исчезла, и она выздоровеет. Нам, малой державе, не пристало пользоваться состоянием паралича, в котором находится сосед. Мы окружены болгарами, венграми и русскими. Не в наших интересах,— напротив, это было бы необдуманной политикой,— рассориться со всеми»¹²⁵. Эта нотка здравого смысла буквально потонула в воплях экспансионистов.

Данный эпизод в каком-то смысле символичен. Антанта все более утверждалась в планах расчленения России; румынские правители плыли в общем русле, а не против течения. Первой отторгнутой от социалистической родины областью стала Бессарабия. Игра в посредничество была прекращена. 5 апреля посланники Англии, Франции, Италии и США в Яссах сообщили своим правительствам об обращении НКИД к французскому генеральному консулу в Москве по поводу урегулирования конфликта с Румынией. «Это предложение,— по нашему мнению...— передавали посланники,— не соответствует новой обстановке». Оно позволит поднять бессарабский вопрос, «что поставит в затруднительное положение наши правительства»¹²⁶. Подобная позиция полностью развязывала руки румынской олигархии в оформлении захвата Бессарабии.

В помощь главарям «Сфатул Цэрий» был отправлен К. Стере, который, как без тени смущения сообщает в своей книге К. Кирицеску, был тут же «провозглашен депутатом»¹²⁷. Надо сказать, что и в этом подорванном и развращенном подкупам собрании многие не знали о закулисных сделках его главарей. Ведь даже после вторжения Инкулец и Ерхан категорически отрицали факт приглашения ими румынских войск¹²⁸ и распространяли заявления антантовской дипломатии о чисто военном и сугубо временном характере предпринятой акции¹²⁹. Членов крестьянской фракции, известных как противников «объединения», «убеждали» в течение трех дней. Перед их глазами стоял пример Рудьева, Прахницкого, Бранова, Панцыря, Катароса, Чумаченко, Гринфельд, Литвинова, расстрелянных за сопротивление или просто за оппозицию оккупантам. По-своему готовилась к «великому акту» кишиневская сигуранца, устроившая свой застенок в подвалах духовной семинарии. Ерхан на собрании крестьянской фракции «передавал душу леденящие ужасы этого застенка»¹³⁰.

¹²⁴ «Idealul național, realizarea lui». Biblioteca Academiei Române, secția de manuscrise, arhiva palatului, XXII(2), Ms. 3.

¹²⁵ «Desbaterile adunării deputaților. Sesiunea ordinară 1917—1918, ședința 23.VI. 1918», p. 224.

¹²⁶ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia». Vol. II, p. 722.

¹²⁷ С. Кирицеску. *Op. cit.* Vol. III, p. 116.

¹²⁸ ДВП СССР Т. VII. М. 1963, стр. 172.

¹²⁹ «Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции...» стр. 89.

¹³⁰ Г. Устинов, К. Бесядовский. Указ. соч., стр. 45.

Все же гладко провести операцию в «Сфатул Цэрий», намеченную на 9 апреля, не удалось. Час проходил за часом, а румынский премьер-министр А. Маргиломан, специально прибывший в Кишинев, не получал приглашения явиться в зал заседаний. Тем временем в резиденции «Сфатул Цэрий», окруженной «почетным караулом» румынских войск, в зале, где присутствовали румынские жандармы, Инкулец, Ерхан и Стере «обрабатывали» сопротивлявшихся. Вопреки существовавшему регламенту они настаивали на открытом голосовании. «При таких условиях нужно было обладать большим гражданским мужеством даже для простого воздержания от голосования угодных румынскому правительству предложений»¹³¹, — указывало позднее Советское правительство. Но в этой обстановке 62 члена «Сфатул Цэрий» отказались участвовать в задуманной инсценировке; 86 проголосовали за присоединение Бессарабии к Румынии при сохранении определенной автономии края.

После семичасового томительного ожидания Маргиломан получил, наконец, возможность явиться в зал заседаний «Сфатул Цэрий» и зачитать приветствие короля Фердинанда своим новым «подданным». Газеты сообщили, что глава правительства пожертвовал 100 тыс. лей на нужды благотворительности¹³². Румынская казна, истощенная войной, разрухой и голодом, была в то время пуста. Но бросить пару сребренников на филантропию стоило: в Бессарабии скопилось много зерна, здесь находились громадные склады русской армии; край был еще далек от истощения, переживаемого Румынией. Одноколейка не успевала пропускать через Унгены эшелон за эшелон в Румынию и по «заказам» в Германию и Австро-Венгрию. Крестьянам было запрещено вывозить хлеб, овощи и фрукты даже в соседний город; все шло «на экспорт».

О СISTRом и радикальном ограблении края оккупантами красноречиво рассказывает секретная записка, направленная в декабре 1918 г. румынскому правительству П. Халиппой, И. Кодряну и некоторыми другими деятелями «Сфатул Цэрий»: «Интервенция румынской армии создала в Бессарабии режим военной оккупации, господствовавший как самодовлеющая сила и помимо бессарабских республиканских властей...». После присоединения к Румынии «военные, которые и до того мало считались с правительством республики, вообще перестали обращать внимание на гражданскую администрацию». «В неслыханной степени возросли реквизиции, осуществление которых в громадном большинстве проводилось в условиях полного произвола, что ожесточило население». Когда на смену войскам в село пришли жандармы, «они своей абсурдной жестокостью сеяли и продолжают сеять ненависть. Все крестьянство горит негодованием, вызванным творимыми бесчинствами». За малейшееслушание, протест человека объявляют большевиком, русским агентом, подвергают жестокому побоям. Стариков избивают только за то, что они не могут стоять навтыжку перед «господином жандармом». «Помимо грабежей, которым подвергается все население, нет крестьянина, который не платил бы нескончаемых податей в виде всякого рода взятки этим сатрапам сел». «Во всех областях администрации господствуют террор, издевательства и коррупция». Экономика края приведена в хаотическое состояние. Население стонет от дороговизны. Нет соли, дров, одежды... Поезда ходят как попало, .. учителя и чиновники месяцами не получают жалованья. Протестовать бесполезно — ты тогда «кле-вещешь на Румынию». В Румынии «поспешно, без всякого отбора, — говорится далее в записке, — собрали всякого рода людей, которые с яростью набросились на несчастную провинцию, как на беззащитную жертву. Страсть к быстрому обогащению — вот чем руководствуется большинство из них». И вывод: «Все классы населения кипят от негодова-

¹³¹ ДВП СССР. Т. VII, стр. 167.

¹³² «L'indépendance roumaine», 28.III(10.IV). 1918.

ния»¹³³. Фиксируя эти факты, Халиппа, Кодряну и иже с ними здесь же обещают молчать, дабы «не давать оружия врагам».

Осенью 1918 г. Бессарабия была низведена до общерумынского голлодного уровня. С точки зрения румынской олигархии, пора было перейти и к политической унификации, отменив бумажную «автономию» края. За подготовку к этому делу с военной решимостью и казарменной бесцеремонностью взялся генерал А. Вэйтояну. К тому времени многие члены «Сфатул Цэрий» бежали. Но генерал выслал из пределов Румынского королевства и тех из оставшихся, кого он посчитал «подозрительными». Прочих он вызвал к себе и объявил им: «Вы должны отказаться от этой автономии»; по отношению к колеблющимся, по его словам, «придется принять меры»¹³⁴. В результате в назначенный день, 8 декабря 1918 г., обнаружилась острая нехватка «депутатов». Многие из них и не подозревали, зачем их пригласили на заседание. Однако, ознакомившись с повесткой дня, они сочли благоразумным покинуть собрание. На другой день вестник «Сфатул Цэрий» предупредил, что все, кто не явится и в следующий раз, будут объявлены «русскими агентами». Но даже с помощью таких угроз не удалось собрать 10 декабря хотя бы кворум. Главарям «Сфатул Цэрий» пришлось поэтому кооптировать в «депутаты» 17 своих сторонников из публики.

В таких условиях за акт об отказе от автономии проголосовало 36 человек. «Таким образом, за так называемое «присоединение» отдало голоса менее четверти всех депутатов «Сфатул Цэрий», и уже потому голосование это было даже процедурно незаконным, не говоря о том, что весь этот самозванный орган не имел никаких правовых основ для своего существования в качестве «народного собрания»¹³⁵.

Итак, захват Бессарабии Румынией в 1918 г. произошел при участии двух враждующих империалистических группировок и при поддержке белогвардейско-националистического отребья самых разнообразных оттенков: сторонника «единой, неделимой России» Щербачева, украинской буржуазной Центральной рады и молдавских буржуазных националистов. 22 года длилась оккупация. Все эти годы не прекращалось народное сопротивление захватчикам, не складывало оружия коммунистическое подполье. Население Бессарабии чувствовало твердую поддержку Советской родины. НКВД РСФСР после пресловутого «голосования» 9 апреля 1918 г. заявил резкий протест румынскому правительству против захвата Бессарабии, расценив это как «вызов Российской Федеративной Советской Республике», вопиющее нарушение соглашения об очищении этой области, «насилие над бессарабским населением, единогласно и открыто выразившим свой протест против румынской оккупации»¹³⁶. Этому курсу КПСС и Советское правительство следовали вплоть до исторического дня 28 июня 1940 г., когда жители Бессарабии с цветами в руках вышли встречать части Красной Армии — освободительницы.

¹³³ Arhivele Statului București. F. Președintia consiliului de miniștri 1918, № 30 (Basarabia); ЦГАОР СССР, КМФ—14, 3А—32, пленка 85, ч. I.

¹³⁴ Н. В. Березняков. Указ. соч., стр. 169—170.

¹³⁵ Д. И. Антонюк и др. Указ. соч., стр. 181. 10 членов «Сфатул Цэрий» в Бессарабии немедленно подписали протест против этой акции. Собравшиеся в Одессе бежавшие и высланные из края члены «Сфатул Цэрий» составили акт «в интересах разоблачения невиданного и недопустимого шантажа, насилия и фальсификации» (ДВП СССР. Т. I, стр. 589—592).

¹³⁶ ДВП СССР. Т. I, стр. 248—249.